

ДЕТСКИЙ МИР

Незнайка на Луне

Детскому писателю Николаю Носову исполнилось бы 85 лет, а перелету на воздушном шаре Незнайки со своими друзьями из Цветочного города в Зеленый стукнуло 40.

Даже странно, что в детской книге, которая впервые была опубликована в киевском журнале с растительным названием «Барвинок» в 1953 — 1954 годах, практически отсутствуют штампы социалистической идеологии и нет привлекательных персонажей, с помощью которых на язык детской психологии переводился бы эпос тоталитаризма. Однако это так: Николай Носов написал счастливую книгу, счастливую по своей книжной судьбе, не зависящей от быстро меняющихся политических запросов. Впрочем, счастье было и содержанием книги: в самый разгар сталинотеррора Носов воплотил мечту о замкнутом, уютном детском мире, которого не в силах коснуться лагеря и репрессии. Симптоматично, что сказочная земля коротышек лишена правителя, отцовского образа, который можно было бы ассоциировать с отцом народов, упомянутым, скажем, в конце «Дневника Коли Синицына»: «... как учат нас наша партия и наш вождь, наш дорогой и любимый учитель товарищ Сталин!». Как они учили, известно, а у Носова даже умный Знайка не учит никого: каждый умен своим умом и набивает свои собственные шишки.

«Приключения Незнайки» интересно сопоставить с «Приключениями Травки» Сергея Розанова, с их вторым изданием 1949 года — детским путеводителем по миру сталинского ампира. Носов предложил побег в мир природы: цветов, овощей, фруктов, среди которых обитают забавные коротышки, лишенные родителей (детский образ рая).

Сказочный сюжет материализовал внятный всем и всегда архетип борьбы мужского и женского начал, а на уровне литературном — юмористический роман воспитания, протагонистом которого оказался простодушный Незнайка, «детский Кандид».

Доцент Петербургского университета Наталия Толстая опубликовала недавно несколько незатейливых рассказов-воспоминаний («Звезда», № 6, 1993). Один из них посвящен школе начала пятидесятых годов.

«Про мальчиков я думала так: ну, ладно. Пусть живут, но в специально отведенных местах. И хорошо бы на островах, окруженных океаном... Девочки были понятны: кривляки, ябеды, вообразили, жадины... В середине пятидесятых произошло небывалое: мужскую и женскую школу объединили. Никогда не забуду то утро... Стены монастыря рухнули...» Едва они рухнули, об этом появилась сказка.

Видимо, «Приключения Незнайки» были если не ответом на социальный заказ, то откликом на разрушение монастырских стен:

главной темой детской утопии был переход от вражды малышей и малышек к дружбе и сотрудничеству.

Кстати, мир между полами тут же перерос в социальное равенство: когда Знайка затеял устроить в Цветочном городе тростниковый водопровод и мост через Огурцовую реку, эмансипированные «малышки включились в работу наравне с малышами». Носов не объяснил, почему малышки были хранительницами норм правильного поведения, а малыши — нарушителями этих норм, нарушителями, которые, однако, под влиянием малышек постепенно приходили к «правильности». Потом, правда, становится ясно, что все дело тут в материнском

начале, которое несли в себе малышки: они воспитывали малышей, приучали к труду и культурным навыкам. Малышки обращались к малышам и друг другу на «вы». Носов, рисуя утопический мир, воспроизвел дореволюционный стандарт поведения *воспитанных детей*, о котором с отвращением упоминал в «Шуме времени» Мандельштам: «Нравы детей в Летнем саду были очень церемонные. Пошептавшись с гувернанткой или няней, какая-нибудь головонька подходила к скамейке и, шаркнув или присев, пицала: «Девочка (или мальчик — таково было официальное обращение), не хотите ли поиграть в «золотые ворота» или «палочку-воровочку»?» Можно себе представить после такого начала, какая была веселая игра».

У Носова, однако, малышки обращаются к малышам именно так, а те, посопротивлявшись, подчиняются благочинию и принимают чужие условия игры. Не успел хулиган Гвоздик исправиться, как вокруг него заверещали сразу несколько голосов:

«— Как это хорошо с вашей стороны, что вы помогаете нам! — говорила ему Кисанька...»

— Вы все так старательно делаете, просто приятно смотреть, — говорила Ласточка. — Вы, как видно, любите работать».

Воспитательный эффект подкреплялся эротической подоплекой, смутно ясной даже детям. Но бросается в глаза и классовая сторона такого необычного языкового поведения: в утопии малышки говорят «дворянским» языком, а малыши изображают пролетариев, которых дворянки облагораживают. Не случайно перед лишенным хороших манер Гвоздиком они лебезят так, как это до сих пор принято у интеллигенции

при общении с гегемоном, вызванным для починки водопроводного крана.

Талант помог Носову дважды: сначала найти точное сказочное обоснование слияния мужских и женских школьных монастырей, потом показать, что основой дружбы может стать только совместный труд. Носов проводил идею, которая была и останется главной в идеологии народно-трудового союза российских социалистов: «Творческим, производительным, качественным труд будет только тогда, когда он свободен и когда человек уверен, что плоды его труда никто у него не отнимет, что они останутся его собственностью».

Такую утопию свободного труда и сочи-

нил Носов: мирок, нарисованный им акварельными красками, имел отнюдь не коммунистические черты хотя бы потому, что здесь свято охранялось право собственности, а под воздействием чистеньких малышей — Пушинок, Снеглазков и Ласточек — малыши быстро отучались от остатков грубых пролетарских манер и поведения.

Удача первой книги о Незнайке особенно заметна на фоне второй и третьей книг: исчезли без следа простота, наивность, образ домашнего уюта, являющегося защитой от жестокого мира. «Незнайка в Солнечном городе» (1958), напоминающая о «Городе Солнца» Кампанеллы, своим событийным наворотом выполняла бесчисленное множество социальных заказов сразу: и внушал детям мечты о коммунистическом изобилии, и осуждал западный джаз и стиль, и даже изругал зачем-то авангардизм в театре, имея в виду то ли Мейерхольда, то ли Охлопкова. Примечательно то, что виновником появления стильно-ветрогносов и ужасного режиссера Штучкина оказался Незнайка со своей волшебной палочкой: он превратил в коротышек ослов из зоопарка, которые и стали стильягами. Носов воспроизвел сюжет «Сна смешного человека»: пришелец с Земли вторгается в утопию и портит ее. Коммунизм в волшебстве не нуждается, учил писатель.

В написанной в 1964 — 1965 гг. книге «Незнайка на Луне» падение писателя продолжилось: Носов изобразил *языв капитализма*. Но читать про них сегодня смешно, поскольку сейчас в России как раз и возникает носовская «Луна». Прелестно описание быстро лопнувшего акционерного общества, которое учреждают Незнайка и некие господа Мига и Жулио: «Сейчас самое главное — заставить бедняков раскошелиться и покупать наши акции... Мы начнем с того, что поднимем шум вокруг этого дела». В итоге акции выпускают, бедняки начинают их доверчиво покупать, и трудно уловить разницу между этой negociей и, скажем, начинаниями какого-нибудь «Русского дома Селенга» или «МММ», предлагающим сделать ваучер золотым.

На *незнайкинских* акции «было написано разноцветными буквами: «Акционерное общество гигантских растений — путь к богатству и процветанию. Цена 1 фертинг». Первому покупателю-бедняку, купившему акцию на последние гроши, коммерсанты-жулики дают премию в размере еще десяти акций. «Теперь вы наш акционер, — вкручивают они, — и тоже должны содействовать скорейшему распространению акций. Убеждайте всех своих знакомых и незнакомых покупать наши акции, говорите, что каждый, кто приобретет нашу акцию, в самый короткий срок делается богачом». Теперь сказку пишут другие люди.

Ходит слух, что «Незнайку на Луне» Носов списал с какого-то иностранного сочинения; возможно, именно отсюда такое тонкое знание деталей грядущего русского капитализма и практически полное отсутствие наивной свежести первого «Приключения...» и ранних рассказов. Талантливый писатель кончился, как только детство перестало быть манящей страной Утопией.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ